

КОГДА я, вернувшись из Подвысокого, не столько приступил, сколько подступил к работе над материалами, постепенно сложились в книгу о боях 1941 года на Украине, нашлись «болешицы», уже не давшие мне отложить в сторону ни одной страницы и постоянно подогревавший идею написания «Зеленой браны». Не скрою, некоторые товарищи-литераторы не то чтоб отговаривали, но мягко советовали мне продолжать тихо и спокойно сочинять песни, писать лирические стихи и не лезть, во-первых, в прозу, а во-вторых — в зону истории, именную 1941 годом: под силу ли тебе...

Но мой «болешица» при каждой встрече интересовался, как продвигаются дела, настаивал, нажимал, проверял — что уже сделано...

Этим контролером стал Константин Симонов, товарищ юности и в общем-то всей жизни.

Мы на второй день войны выехали на разные фронты, но с одинаковыми предписаниями: «Для выполнения специального задания правительства» (такой текст на бланке остался, видимо, от прежних времен и командировок), а перед тем, как расказано на первой странице симоновской книги «Разные дни войны», вместе ходили в райком и получили партийные билеты...

При выезде на Южный фронт корреспондент «Красной звезды» Симонов записал в дневнике: «Долматовского видели в последний раз четвертого августа...»

Симонов провел на Южном фронте немало трудных дней, был в осажденной Одессе и вблизи тех мест, где завершалась трагедия 6-й и 12-й армий, но с внешней стороны кольца... Он рассказывал мне в январе 1942 года, когда мы наконец свиделись, что надеялся найти мой след, многих спрашивал, даже хотел пробраться в 6-ю армию, но ее уже не существовало... Ведь помимо задания редактора, он выполнял еще просьбу моей мамы...

В дальнейшем мы не раз встречались на фронте — в Сталинграде, на Курской дуге, на Днепре, при освобождении Польши и, наконец, в Берлине — не только на пылающих улицах, но и в здании Инженерной школы в Карлсхорсте, при подписании капитуляции.

Многое мы видели и пережили вместе, а все же разлука сорок первого года особенно сблизилась, навсегда осталась самым памятным для нас периодом нашего товарищества и постоянной темой для воспоминаний.

Симонов говорил о моей броне и Уманской яме чаще, чем я, потому я не удивился, когда в июне 1979 года получил от него письмо, в котором были такие строки:

«Вроде мы с тобой работаем, я тоже начал кое-что царапать. Насчет Уманской ямы — когда вернусь в Москву, м. б. покажу тебе интересные для тебя материалы. Донесения, цифры вышедших и пр. и пр., от чего волосы дыбом. Все это и персональное тоже. Это у меня сохранилось в связи с большим архивным материалом, который я хотел использовать для книги «Разные дни войны»...

Письмо пришло из Гурзуфа, из санатория. Я с нетерпением ждал возвращения товарища в Москву, но вернулся он не домой, а в больницу, из которой ему не суждено было выйти.

Оказалась последней и наша встреча в больнице.

Мы провели вместе день в щемящих душу воспоминаниях, в упрямых спорах с примирен-

тельными эпилогами, утешались не очень веселыми шутками, делились планами. Симонов накануне успел прочитать начальные главы моей «Зеленой браны» и накидал мне ворох замечаний и поправок, как это было принято в нашем литературном общении.

— Как выздоровлю, притащу тебе мои записи, цитаты из архивных фолиантов. Я собрал много всего про Южный фронт, о нем ведь почти ничего не знают. Для тебя не будет открытий, а все же пригодится в хозяйстве.

Расставание наше не было сентиментальным, Симонов умел жестко переходить на деловой тон:

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

ИЗ ЗАПИСОК К. СИМОНОВА

— Если операция пройдет неудачно, тебе трудно будет найти мои записи. Ориентируйся на папку с заголовком «Южный фронт».

При таких оборотах больницы разговор положено ругаться или отшучиваться, но не удалось ни то, ни другое — взглянула недовольная сестра со шприцем, да и время вышло. Я понуро брел по опустелым коридорам, повторяя как заклятие: только бы обошлось.

Но беда нагрянула очень скоро.

Удар был слишком тяжел, чтобы мне явиться к его близким и попросить разрешения покопаться в записках и записках. Начал свой отсчет другое время, уже без Константина Симонова, и трудно понять, то ли я остался на платформе, а он уехал, то ли уехал я, на платформе остался он...

Подвалило еще горестей, намело сугробы. Время отталкивало меня, и поболее трех лет должно было пронестись, пока я набрался духу и решился войти в безжизненную квадратуру его рабочего кабинета.

Меня оставили одного, я склонился над бескрайней пустыней его стола. Записки сложены в тяжеленные прямоугольные, как бетонные блоки, картонные папки.

Развязываю тесемки, начинаю путешествие по дороге, пройденной за меня старым товарищем.

Сверху лежащий, самый первый листок — перевод с немецкого. «Приказ по первой танковой группе, 26 июня 1941 года...». Документ какой-то... Интересно — ведь он помечен четвертым днем войны, может быть, самый первый немецкий документ, оказавшийся в наших руках и именно своей первостью заинтересовавший Симонова. Я отчетливо себе представляю: вот он находит в архиве трофейный документ, обращает внимание на дату... Тут начинает действовать газетчик: такой документ в начале войны не попал в руки нашего брата, надо хоть теперь отыграть.

Начинаю читать. Э, да я все это уже знаю, не просто где-то и когда-то читывал очень-очень давно, в незапамятные времена, а наизусть знаю.

Происходившее давно порой всплывает в памяти отчетливее, чем самое недавнее. Вспомнил точно, никаких сомнений: это документ, читанный мной в июне

1941 года, в один из первых дней моего пребывания на войне. Я предстаю перед редактором теперь уже своей армейской газеты «Звезда Советов», он смотрит мне в глаза — примеряет, что за «деятели» ему прислали из Москвы, неужели он, кроме стихов, ничего не способен сделать для газеты?

Редактор спрашивает: — Как вы насчет фельетонов? Не пробовали?

В прошлом году на Карельском перешейке приходилось чуть не в каждый номер «Боевой красноармейской» сдавать фельетоны, и я отвечаю:

— Пробовал.

Тогда редактор вручил мне перевод с немецкого, тот самый «Приказ по первой танковой группе», который нашел в архиве и переписал Константин Симонов...

Документ стал трофеем нашей 6-й армии, уж не помню при каких обстоятельствах. Сам командарм Музыченко дал редактору простодушное наставление: найдите такого писака, чтобы раздал Клейста в хвост и в гриву.

И я оказался таким писаккой. Мое первое появление на страницах армейской газеты, с которой мне предстояло отныне разделить свою военную судьбу, — фельетон по поводу приказа Клейста. Я даже помню название фельетона: «Фон Клейста приказал штаны не терять».

Приказ Клейста произвел тогда сильное впечатление. Сильное, но не ошеломляющее: ведь он датирован четвертым днем войны, когда мы еще не представляли себе, как повернутся наши дела. Мы еще предполагали, что отбросим напавших за границу, скоро и легко справимся с ними. Трофейный документ подтверждал наши надежды. Вот он:

«ПРИКАЗ по первой танковой группе 26.6.41»

Слухи о прорвавшихся советских танках вызвали панику в тыловых службах.

Я приказываю: 1. Необходимо поучением, приказом и угрозой наказания указывать на последствия паники.

2. Против каждого зачинщика и распространителя паники должен применяться военный суд. Обвиняемый обвиняется в непослушании или трусости.

3. Каждый офицер обязан при каждом признаке паники действовать строжайшими средствами, при необходимости применять оружие.

4. При танковой угрозе отступающие колонны должны защищаться поперек поставленными машинами.

Я запрещаю: 1. При тревоге употреблять панические выкрики, как: «Танки прорвались!» Все привести в безопасность. Должны лишь применяться приказы и команды, как: «Внимание, взят винтовки и шлемы», «По местам» или подобное.

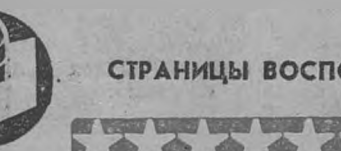
2. Автомашин или колонны, которые бегут, необходимо вернуть обратно. Движение должно быть только планомерное, должно проводиться в полном спокойствии.

3. Водителям автомашин нельзя удаляться от непосредственной близости, где находятся их машины. В противном случае целые колонны могут стать неподвижными. Подписал фон Клейст».

Встреча с приказом Клейста, право, здорово разволновала меня... Надо же было через столько лет взять в руки этот неуклюжий перевод, тот самый, с использования которого и началась моя служба в редакции газеты «Звезда Советов».

Переворачиваю страницу...

Теперь уже документ, которого я никогда не видел. Переписано Симоновым с телеграфной ленты. Дата не проставлена, но из текста видно, что разговор — о событии, имевшем место 24 июля, а в самых последних числах июля, когда мы обороняли Умань, такого спокойного разговора быть уже не могло. Значит, надо датировать 25 или 26 июля — будет правильно.

К. СИМОНОВ и Е. ДОЛМАТОВСКИЙ. 30-е годы.

Итак, вот что докладывает Военный совет Южного фронта:

«Главному Юго-Западного направления товарищу Буденному. Говорил с Понеделиным. Установлен вопрос о сдаче чехословаков. Как доложил Понеделин, бригада чехословаков — Лисовец — действительно находилась, но полностью не сдавалась. 24 июля 1941 года на нашу сторону перешли только несколько десятков. Предположительно, бригада была готова сдаться и, видимо, собиралась это сделать, но, когда в бою попала под наш огонь и в спину немецкий огонь, понесла большие потери убитыми и ранеными, большая часть разбежалась по посевам. Все это выяснилось с приходом давших нам. Приняты меры к подготовке и организации сдачи чехословаков. Данный факт подтверждает нежелание воевать».

ТЮЛЕНЕВ, ЗАПОРОЖЕЦ, РОМАНОВ

фонд 228, оп. 701». Речь идет, конечно, не о чехословацкой, а о словацкой бригаде. Это воинское соединение было вовлечено немцами в войну с самого вторжения, я еще под Львовом слышал про словаков. Историю с неудачной и несостоявшейся капитуляцией словацкой бригады я узнаю сейчас впервые. Несомненно, такой

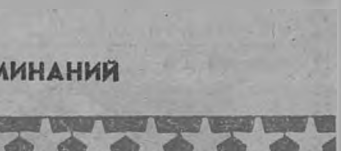
важный факт был передан в Москву, в Ставку, ведь сообщались и куда менее важные события и происшествия.

Почему же в тогдашних сообщениях Совинформбюро, в газетных статьях — ни слова?

Объяснимо: «Приняты меры к подготовке и организации сдачи...». Тут уже требовались терпение и секретность, и они были соблюдены.

Представляю себе, как радовался Симонов, когда нашел в архиве эту депешу.

Симонов не просто делал выписки из документов, но тут же сопоставлял один с другим и уже на полях, очень скупое, ставил едва заметные знаки, в ко-

торых можно разобраться. И кое-что понять, если вникнешь в глубину материала.

Чаше всего пометки — своеобразная и несколько запоздалая полемика.

Почти полностью воспроизведен «Журнал боевых действий войск Южного фронта», записи, относящиеся к августу 1941 года.

Надо отметить, что начальники оперативного отдела штаба фронта (три полковника подряд сменились — это подмечает Симонов, нумерует) записывали ход событий не очень точно. Нет, они записывали, наверное, так, как было видно по поступающим в штаб донесениям и депешам. Записи-то правильные, а информация? Была ли она точной?

Вот, пожалуй, соответствующая положению запись:

«За 3 августа».

Группа Понеделина, истощенная в непрерывных боях, в тяжелых условиях ведет бой в окружении, стремясь прорваться в восточном — юго-восточном направлении. Точных данных о положении частей армии, ввиду отсутствия связи, не поступало...»